

УДК 2-636

**СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ ВЕКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ
В ИДЕЯХ РЕНЕССАНСНОГО ГУМАНИЗМА И РЕФОРМАЦИИ
(АЛЬТЕРНАТИВА «ЛЮТЕР – ЭРАЗМ»)**

Бродецкий А.Е.

Статья посвящена рассмотрению социально-этических ориентиров мировоззрения основателя реформационного движения Мартина Лютера и нидерландского философа-гуманиста Эразма Роттердамского. Исследуются ценностные коннотации идей этих деятелей в современных реалиях религиозной жизни постсоветских обществ. Взгляды Лютера и Эразма соотнесены с механизмами обоснования ценностей межконфессионального диалога, толерантности, культурной открытости верующих и их готовности к солидаризации с приверженцами альтернативных убеждений в социально и нравственно значимой деятельности. Исследование выполнено на дисциплинарном пересечении религиоведения, этики, истории мировой философии и истории религиозных учений.

Ключевые слова: Мартин Лютер, Эразм Роттердамский, Реформация, Ренессанс, ценности, религиозность, социально значимая деятельность.

**THE SOCIAL AND VALUE VECTORS OF RELIGIOSITY
IN THE IDEAS OF RENAISSANCE HUMANISM AND REFORMATION
("LUTER – ERASMUS" ALTERNATIVE)**

Brodetskyi O.Y.

The article contains the consideration of the socio-ethical guidelines of the worldview of the Reformation movement's founder Martin Luther and the Dutch philosopher-humanist Erasmus of Rotterdam. The author explores the value connotations of the ideas of these personalities and their correlation with contemporary realities of the religious life in post-Soviet societies. The Luther and Erasmus's views are correlated with the mechanisms for substantiating of the values of interconfessional dialogue, tolerance, cultural openness of believers and their

readiness for solidarity in socially and morally meaningful activities with adherents of alternative beliefs. The study is realized at the disciplinary crossing of religious studies, ethics, the history of world philosophy and the history of religious doctrines.

Keywords: Martin Luther, Erasmus of Rotterdam, Reformation, Renaissance, values, religiosity, socially significant activity.

Эпоха Возрождения дала культуре не только опыт светско-гуманистического обоснования ценностей. Впрочем, и сам гуманизм нередко обретал для себя опору в пантеистическом, сакрализованном миропонимании. Но в свой поздний, завершающий, период Ренессанс отличился также и новой волной интенсификации теистической, библейской этики в идеях вдохновителей и вождей Реформации. Деятелей Реформации объединяла с гуманистами установка максимально энергичного социального энтузиазма в утверждении исповедуемых идей. Но само содержание их убеждений акцентировало уже иные, по сравнению с классическим гуманизмом, ценностные перспективы. Гуманистический пафос творческой «безграничности» сил человека балансируется в учении реформаторов осознанием в нем и элементов духовного несовершенства, отягощенности, слабости. Поэтому аксиологический маятник в эпоху Реформации совершает стремительное колебание от пафоса «богоравенства» человека к смирению перед сакральным как непостижимым и мистическим. Вновь актуализируется роль молитвенной усердности, сосредоточенности в вере и ревелационном опыте. Однако механизм этой преданности вере реализуется уже не столько посредством вовлеченности в католический церковно-иерархический монолит (как это было в Средневековье), сколько путем практической, максимально индивидуализированной саморефлексии на основании координации с заповедями Священного Писания и личного подвижничества в благочестии и жертвенной миссионерской активности.

Ввиду практически одновременной динамики эволюции гуманистических и реформационных идей в ряде стран Европы (в частности, Германии и

Нидерландах), многие из деятелей интеллектуальной культуры оказывались носителями синкретически объединенных в их мировоззрении обоих ценностных импульсов. А степень дозированности в мировоззрении этих импульсов определялась каждым индивидуальным случаем судьбы и выбора того или иного деятеля. Например, мировоззрение Эразма Роттердамского тяготело к «золотой середине» и сбалансированной синергии христианской убежденности и в то же время открытости диалогу с гуманистическими достижениями дохристианских (античных) и ренессансных пластов культуры и духовности. Яростное же религиозное усердие Мартина Лютера в отстаивании собственных христианских убеждений часто побуждало его к бескомпромиссности, которая могла граничить и с элементами фанатизма.

В русле представляемых упомянутыми двумя фигурами ценностных альтернатив реализации религиозности в социуме и культуре представляет интерес соотнесение ряда характерных для них идей с актуальными проблемами и вызовами функционирования современных форм религиозности и религиозной институциональности, в том числе в Украине и других постсоветских странах. Мы не будем касаться непосредственно догматического аспекта их убеждений, а проанализируем социально-ценностные, практические векторы некоторых из их идей с точки зрения их актуальной эффективности в деле морализации практической активности религиозных лидеров, поощрения межконфессионального диалога, предотвращения возможных социальных конфликтов на почве различия убеждений и культурных приоритетов.

Между взглядами этих двух гениальных деятелей, несомненно, много общего, но также имеются и определенные принципиальные разногласия, символизирующие собой альтернативные модели реализации религиозности в социуме и культуре. И Лютер, и Эразм остро порицали церковно-административные злоупотребления, властные амбиции руководителей церковных институтов, схематизм и стереотипность методик духовного образования, фарисейство лидеров религиозных общин. Оба они беспощадно разоблачали нравственное убожество тогдашней Римской курии, ее

патологическую меркантильность, гонку за прагматическими успехами ценой потери актуальной укорененности в сакральном опыте и действенном благочестии. В русле этой критики Лютер в своих прославленных «95 тезисах» (1517 г.) подчеркивал: «Нужно учить христиан, что тот, кто видит, как погибает его ближний, и, тем не менее, отдает деньги за отпущение, на самом деле не платит за отпущение папы (речь идет об индульгенциях – А.Б.), но увеличивает немилость Божию» [3, с. 7].

Аналогичное отношение к политизации и коммерциализации церковной структуры, приобретающей признаки предпринимательской и управленческой институции, выражает и Эразм Роттердамский в остро-ироническом панегирике – «Похвальном слове Глупости». Из уст главной «героини» сочинения – Глупости – звучит риторический вопрос о соответствии должному нравственному уровню современных Эразму Пап Римских – согласно католической доктрине, заместников самого Христа на земле: «А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Что, если бы они попробовали подражать Его жизни, т.е. бедности, трудам, чистоте учения, крестной смерти, презрению к жизни? Что если бы они задумались над значением своих титулов – папы, иначе говоря, отца и "святейшества"? Чья участь в целом свете оказалась бы печальнее? Кто стал бы добиваться этого места всевозможными способами или, однажды добившись, посмел бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческих насилий? Сколь многих прибытков лишился бы папский престол, если б на него однажды вступила Мудрость? Мудрость, сказала я? Пусть не Мудрость даже, а хотя бы крупинка той соли, о которой проповедовал Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, доходов, побед, должностей, диспенсаций, приношений, индульгенций, коней, мулов и наслаждений?.. Не следует также забывать об участи, которая постигла бы все это множество чиновников, копиистов, нотариусов, адвокатов, промоторов, секретарей, погонщиков мулов, конюших, банкиров, сводников... Прибавила бы я еще словечка два покрепче, да боюсь, слишком жестоки покажутся они ушам вашим... В общем, вся эта огромная

толпа, которая отягощает, – или нет, прошу прощения, – которая украшает нынче римский престол, была бы обречена на голод. Но еще бесчеловечнее, еще ужаснее, еще ненавистнее для очень многих было бы пожелание, чтобы верховные князья церкви, эти истинные светочи мира, снова взялись за суму и посох. Теперь же, напротив, все труды возлагаются на Петра и Павла, у которых ведь довольно досуга, а блеск и наслаждение папы берут себе» [5, с. 167-168].

Сарказм и критический дух таких идей Лютера и Эразма сохраняют актуальность и относительно современных негативных тенденций в жизни религиозных организаций, в частности, аналогичных злоупотреблений со стороны истеблишмента некоторых религиозных структур. Не лишена определенных деструктивных признаков практика жизни ряда религиозных сообществ и Украины, и России, и других стран. К примеру, некоторые из так называемых «харизматических» движений обустроены по модели финансовой пирамиды или бизнес-сети. Проповедническая активность во многих из них в основном направлена на активизацию материальных взносов как якобы ключевой предпосылки обретения и сотериологических перспектив, и повседневного прагматического процветания. Их же лидеры, используя психопрограммирующие техники, парализуют возможности критического отношения со стороны последователей к таким практикам.

Соотнести с критикуемыми Лютером и Эразмом явлениями можно и факты участия современных церковных структур в политически ангажированных проектах, например, во времена власти в Украине Л. Кучмы или В. Януковича. Нередко в те времена церковные активисты одной из православных конфессий Украины, постоянно подчеркивающей свой канонический статус, явно (или едва завуалировано) осуществляли пропаганду в пользу идеологически близких к ним политических сил и чиновничества.

К разряду подобных аморальных проявлений относится и время от времени практикуемое отмывание коррупционных либо теневых доходов через так называемое религиозное «меценатство». Разумеется, конкретные обвинения

в культивировании перечисленных явлений приобретают формализованную объективность лишь при наличии документальных и фактических подтверждений в установленном законом порядке. Но, кроме юридического аспекта этой проблемы, весьма важным в рамках религиозного воспитания и образования является именно ментальное и психологическое поощрение отрицательного ценностного реноме подобных форм обслуживания религиозности. И идеи ренессансных мыслителей, как и деятелей Реформации, в частности, Эразма и Лютера, обладают и ныне потенциалом укрепления критической платформы в отношении обозначенных нравственно деструктивных практик в жизни религиозных сообществ. А значит, эти идеи достойны популяризации и адекватного этико-социального истолкования в соответствии с реалиями нашего времени. Примечательно, что опыт подобной критики аморализма отдельных религиозных сановников встречаем также и в рефлексиях украинских ренессансных мыслителей, например, Станислава Ореховского (в частности, показательное его остро саркастическое, обличительное стихотворение, обращенное к тогдашней папской администрации, – «К Римскому Папе, который изобрел целибат») [см.: 6, с. 405].

Однако, как уже отмечалось, кроме ряда общих ценностных доминант, представители гуманистического и реформационного дискурсов во многих аспектах реализовывали и альтернативные друг другу этико-социальные интенции. Если для гуманистов первостепенной является личностная самореализация в разнообразных форматах социокультурной жизни, то для Реформации принципиально значимы живой опыт религиозности, интегрирование с сакральным, осознание всеобъемлющей зависимости людей от Бога, а соответственно, и идейная монолитность религиозной общины. Оба эти аспекта в своих умеренных проявлениях способны быть ценностно конструктивными. Но в то же время каждый из них имеет и риски обретения социально деструктивной действенности при условии доведения их до крайности. Гиперболизированная гуманистическая матрица самореализации

личности могла в предельных формах выливаться в тотальный релятивизм индивидуализма, граничащий с крайностями эгоцентризма и гедонистической вседозволенности. И критика таких извращений, обусловленных чрезмерностями ренессансного индивидуализма, нередко осуществлялась уже и самими гуманистами, в частности, тем же Эразмом.

Между тем реформационная усердность в вопросах чистоты религиозного благочестия в случае доведения ее до предельных форм несла опасность извращения в сторону фанатизма, безоглядной оппозиционности к альтернативным мировоззрениям, культурным ценностям и личностям, их придерживающихся. В известной степени не обошла эта тенденция и ряд наиболее страстных лозунгов идеологии Лютера. Людвиг Фейербах, к примеру, цитирует следующие слова Лютера: «Разве не заповедал нам Господь Христос любить и врагов своих? .. Ради их личности я должен их любить; а из-за учения их я должен их ненавидеть. Следовательно, я должен их ненавидеть или должен ненавидеть Бога, который хочет, чтобы повиновались слову Его... Чего я не могу любить одновременно с Богом, то должен я ненавидеть; если только они будут что-нибудь проповедовать противное Богу (т.е. догматизированному представлению о «богоугодном» – *А.Б.*), то вся моя любовь и дружба к ним должна исчезнуть; я буду ненавидеть тебя, и не буду желать тебе добра. Ибо вера должна занимать первое место, и должна наступать ненависть и прекращаться любовь, когда дело коснется слова Божия... Вера скорее допустит, чтоб все твари погибли, нежели чтоб погибло слово Божие и осталась одна ересь» [Цит. по: 7, с. 384-385].

Конечно, с одной стороны, в этих словах заложено закономерное для идеалов религиозности настроение всецелой преданности постулатам своей веры. Но радикальная экспрессия формы и резкая эмоциональная интонация подобных лозунгов способны, при определенных условиях, мотивировать на практике не только внутреннее усердие в преданности своей вероучительной традиции, но и дух социальной неприязни к приверженцам альтернативных убеждений. Впрочем, следует, ради объективности, отметить, что

санкционируя духовную нетерпимость к «ересям», Лютер все же не насилие, а духовную борьбу признавал первостепенным фактором противостояния им: «Любезный, если ты хочешь изгнать ересь, то должен знать, что ее надо, прежде всего, искоренить из сердца и отвратить основательно волей: с помощью насилия ты не покончишь с нею, а только усилишь ее. Разве тебе поможет, если ты укрепишь ересь в сердце и только внешне на языке ослабишь ее и принудишь человека ко лжи? Божье же слово просветляет сердце и само собой изгоняет из него все ереси и заблуждения» [2, с. 153].

Утверждая, что «Бог не может и не хочет допускать, чтобы доброе дело начиналась в надежде на собственную силу и разум» [2, с. 56], ведущий идеолог Реформации приводит и к коннотации, которая, в определенной степени, дискредитирует ценность светской образованности и всестороннего интеллектуального и культурного развития. Характерен здесь следующий тезис основателя протестантизма в оценке всемирно известной «Этики» Аристотеля: «Изучение [Аристотеля] ввел злой дух. Такова и книга "Ethicorum", зловреднейшая из всех книг, резко противоречащая милости Божьей и христианским добродетелям и, несмотря на это, считающаяся одной из лучших. О, подалее с такими книгами от всех христиан» [2, с. 107]. Таким образом, смоделировано предвзятое отношение к одной из общечеловеческих культурных ценностей на основании ее происхождения из недр дохристианской философской культуры. Не зря, как подчеркивает исследователь Дж. Пайпер, «...Лютер так любил своё сочинение «Рабство воли», в котором он приписывал всю свободу, силу и милость Богу, а беспомощность и зависимость – человеку» [4, с. 56].

Разумеется, каждый имеет право на собственную субъективную оценку тех или иных достижений культуры. Но заложенная здесь модель реагирования религиозного идеолога на то или иное внерелигиозное культурное явление все же свидетельствует об установке авторитарной религиозности. Ведь статус и авторитет религиозного лидера придает его высказыванию характер не частного мнения, а, в определенной степени, директивного указания, «эталона»

оценки соответствующих явлений всеми другими верующими – последователями этого лидера. Элементы подобного подхода, к сожалению, имеют место нередко и в современном мире. Особенно ярко заявляют о себе они в действиях, например, воинственных, тоталитарно-фундаменталистских течений ислама; лоббировании наиболее консервативными группами традиционных религиозных институций деятельного негативизма в отношении свободы творческого самовыражения (показательны в этом отношении резонансные события в Российской Федерации вокруг выхода в прокат кинофильма «Матильда»); махинациях ряда деструктивных неорелигиозных организаций. В конце концов, следует признать, что на локальном уровне в проповедях и «воспитательной» работе отдельных священнослужителей даже тех религиозных структур, которые известны гуманной и умеренной репутацией, все же иногда случаются подобные ретроградные высказывания в адрес тех или иных общепризнанных в своей значимости достояний нерелигиозной культуры прошлого и настоящего: произведений искусства и литературы, научных изобретений, конкретных деятелей и т.д. И подчас в проповеднической деятельности некоторых пастырей инвективы в адрес альтернативных феноменов культуры подменяют реальную заботу о практическом, собственно моральном совершенствовании паствы на основе воспитания деятельной человечности, эмпатии, отзывчивости, сопереживания, взаимопомощи, бескорыстия.

Интенцию, позитивно отличную от такой ментальной установки в отношении альтернативных мировоззренческих ресурсов, можно обнаружить и у Эразма, и у ряда других гуманистов. Не зря же, уважая Лютера как великого мыслителя и религиозного деятеля, Эразм все же в переписке с ним принципиально критикует имеющиеся в его идеях элементы фанатизма, дискредитации свободной воли и критического мышления, упрекает его за чрезмерную нетерпимость. Обращаясь к Лютеру, нидерландский философ отмечает: «Одно меня мучает, как и всякого добропорядочного человека: то, что ты своим дерзким, необузданным, мятежным нравом сотрясаешь весь мир

гибельным раздором. Добрых людей, любящих благородные науки, ты отдаешь на произвол каких-то безумных фарисеев...» [1, с. 593]. В то же время сделаем принципиальную оговорку: современные лютеране, как и целый ряд других протестантских сообществ, отдавая должное ценным элементам в учении своих «отцов-основателей» (Лютера, Кальвина и др.), все же в основном осознают историческую ограниченность некоторых их реакций на социокультурные явления и обусловленных этим практических подходов.

Таким образом, диалогическая интенция в отношении приверженцев иных мировоззрений, осознание ценности свободы совести и убеждений, принятие плюрализма аксиосферы современного социума, – эти и другие идейно-коммуникативные маркеры современности явственно присущи и многим современным сообществам – наследникам Реформации. Это дает основания констатировать мощные толерантизирующие возможности их религиозного служения и социально значимой активности, солидаризированной с различными другими контингентами гражданского общества. Поэтому можно утверждать, что религиозная аксиосфера современных западных сообществ реформационного корня сформировалась не только на идейных началах соответствующей богословской, собственно религиозной традиции (Лютер и др.), но явно или имплицитно впитала в себя и кластеры европейской гуманистической этики, у истоков которой в эпоху Возрождения стояли такие мыслители, как Эразм Роттердамский.

Список литературы:

1. Из переписки Мартина Лютера и Эразма Роттердамского // *Философские произведения*. М.: Наука, 1986. С. 585-594.
2. Лютер М. *Избранные произведения*. СПб.: Андреев и согласие, 1994. 427 с.
3. Лютер М. *О свободе христианина*. Уфа: Издательство «ARC», 2013. 728 с.

4. Пайпер Дж. Мартин Лютер. Уроки извлеченные из его жизни и творчества. Чернигов: In lumine, 2008. 64 с.
5. Роттердамский Э. Похвальное слово Глупости. М.–Л.: Academia, 1931. 239 с.
6. Українські гуманісти епохи Відродження. К.: Наукова думка, Основи, 1995. Ч. 1. 432 с.
7. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения в 2-х тт. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 2. 944 с.

Сведения об авторе:

Бродецкий Александр Евгеньевич – доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, религиоведения и теологии Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

Data about the author:

Brodetskyi Oleksandr Yevhenovych – Doctor of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Culturology, Religious Studies and Theology Department, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine).

E-mail: o.brodetskyi1979@gmail.com.